

Научное приложение. Вып. CLXXIII

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Ян ПЛАМПЕР

ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ

МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2024

УДК 159.942
ББК 88.252.1
П37

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. CLXXIII

Плампер, Я.

П37 История эмоций/ Ян Плампер; пер. с англ. К. Левинсона. — 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 568 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-2254-8

Книга посвящена истории изучения эмоций — одной из наиболее быстро растущих областей в современной исторической науке. Она представляет собой первую монографию, знакомящую читателя как с прошлым и настоящим этой области, так и с предлагаемым направлением дальнейшего ее развития. Книга построена вокруг спора между социально-конструктивистскими и универсалистскими теориями эмоций — спора, который структурировал исследовательскую практику в различных областях изучения чувств на протяжении более ста лет: социальные конструктивисты полагают, что эмоции являются преимущественно результатом научения, культурно специфичны и подвержены историческим изменениям, тогда как универсалисты настаивают на том, что эмоции одинаковы во всех культурах и во все времена. Автор историзирует и проблематизирует эту бинарную оппозицию, указывая на возможности изучения эмоций за пределами конструктивизма и универсализма. Кроме того, в книге описывается история ученой рефлексии по поводу чувств в науках о жизни — от экспериментальной психологии XIX в. до новейшей аффективной нейронауки, а также в антропологии, философии, социологии, лингвистике, истории искусств, политической науке и истории с древних времен до наших дней.

УДК 159.942
ББК 88.252.1

В оформлении обложки использованы фотографии масок японского театра Но, Рейксмюсеум

Original title: Geschichte und Gefühl.
Grundlagen der Emotionsgeschichte by Jan Plamper

© 2012 by Siedler Verlag, a division of Verlagsgruppe
Random House GmbH, München, Germany

© К. Левинсон, пер. с английского, 2018

© Е. Поликашин, дизайн обложки, 2018

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018; 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Что такое эмоция?	18
У кого бывают эмоции?	43
Где место эмоций?	49
Есть ли у эмоций история?	53
По каким источникам можно писать историю эмоций?	55
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИСТОРИИ ЭМОЦИЙ	
1. Люсьен Февр и история эмоций	65
2. История эмоций до Февра	70
3. История эмоций во времена Февра и после него	79
4. 11 сентября	97
5. Барбара Розенвейн и «эмоциональные сообщества»	109
ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ: АНТРОПОЛОГИЯ	
1. Чувствовать можно по-разному	122
2. Эмоции в записках путешественников и ранней этнологической литературе	130
3. Чувства в трудах классиков антропологии	135
4. Ранняя антропология эмоций — 1970-е годы	147
5. Лингвистический поворот и социальный конструктивизм	161
6. Социальный конструктивизм: не только Розалдо, Абу-Луход и Латц	180
7. Социально-конструктивистская антропология эмоций: предварительные выводы	187
Экскурс I: социология	193

8. 1990-е годы — I. Антропология эмоций после социального конструктивизма	212
Экскурс II: лингвистика эмоций	215
9. 1990-е годы — II. Дихотомия «социальный конструктивизм vs. универсализм» преодолена?	224
10. Новейшая универсалистская антропология эмоций	233

ГЛАВА III. УНИВЕРСАЛИЗМ: НАУКИ О ЖИЗНИ

1. Пол Экман и базовые эмоции	241
2. Схема третьей главы	265
3. Чарльз Дарвин «О выражении эмоций у человека и животных» (1872), или Как одна книга стала полем битвы между социальными конструктивистами и универсалистами	266
4. Начало психологического изучения эмоций, или Как «чувства», «страсти» и «движения души» мигрировали из богословия в психологию, превратившись при этом в «эмоции»	281
5. Лаборатории эмоций и лабораторные эмоции, или Рождение психологических концепций эмоций из духа эксперимента	291
6. Как представления о структуре общества стали представлениями о структуре мозга	304
7. Исследование эмоциональных реакций мозга	307
8. Несуществующая теория чувств Зигмунда Фрейда: приближение к пустому месту	315
9. Бум в психологии эмоций, начавшийся в 1960-х годах	326
10. Синтетическая когнитивно-физиологическая теория эмоций: модель Шехтера — Сингера	327
11. Оценочный аспект эмоций: когнитивная психология и теории «оценки»	329
12. «Душеразведочная шахта»? Нейронауки, фМРТ и другие технологии визуализации	334

13. Джозеф Леду и два пути страха	343
14. Антонио Дамасио и гипотеза соматических маркеров	345
15. Джакомо Риццолатти, Витторио Галлезе, Марко Якобони, зеркальные нейроны и социальные эмоции	353
16. На плечах карликов, или Нейронауки как «троянский конь» в гуманитарных и социальных науках	363
17. Аффектарии всех стран, соединяйтесь! Нейронауки в работах Хардта, Негри & Со.	384
18. Заимствования из нейронаук (промежуточный вывод)	389
19. Поверх барьеров: критические нейронауки и реальные возможности для сотрудничества	394

ГЛАВА IV. ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИИ ЭМОЦИЙ

1. Навигация чувств: Уильям Редди и его попытка преодолеть дихотомию социального конструктивизма и универсализма	407
2. Эмоциональные практики	431
3. Нейроистория	440
4. Перспективы истории эмоций	451
5. Что дальше?	477

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 484

Благодарность	490
Глоссарий	494
Избранная библиография по теме	509
Иллюстрации	551
Указатель имен	556

ВВЕДЕНИЕ

Миндалина — всего лишь овальная тень размером с изюмину, плавно переходящая в более светлое окружающее мозговое вещество. Я сразу подумал: ее, наверное, и извлечь-то не получится — это не обычный орган вроде печени или селезенки, которые можно вынуть из пластиковой анатомической модели и потом вставить обратно. Мне миндалину показывали на сечении мозга, похожем на нарезанный тонкими ломтиками кочан цветной капусты. Эти ломтики аккуратно отделяла один от другого студентка, которая перед этим перебрала несколько мозгов, вынимая их из ведер с формалином, пока не нашла подходящий — тот, который был рассечен так, чтобы была видна миндалина.

Происходило это все ранним декабрьским утром 2009 года в кабинете имени Рудольфи Анатомического института при берлинской клинике «Шарите» — крупнейшей университетской клинике Европы. Я послал туда по электронной почте письмо, где сообщил, что работаю над исследованием по истории страха у русских солдат в годы Первой мировой войны и хотел бы посмотреть на человеческую миндалину, потому что она отвечает за страх и я много раз читал про нее в исследовательской литературе по нейронауке. Мне тут же ответили, что в понедельник я могу прийти на занятия по анатомии для студентов-медиков и там мне покажут миндалину. Я пришел раньше преподавателя и объяснил собравшимся второкурсникам в белых халатах, что мне нужно. Пока они доставали из пластиковых ведер один заформалиненный мозг за другим, выбирая тот, который был препарирован подходящим образом, я бросил взгляд на соседний стол. Две студентки только что положили на него тяжелый синий пластиковый мешок с трупом, расчехлили его, сняли марлевые повязки с головы,

перевернули препарированное, со снятой кожей, тело на живот, подперли деревянным бруском подбородок, сняли уже отпиленную крышку черепной коробки и, вооружившись пинцетом и скальпелем, начали углубляться в недра мозга. Я внезапно подумал: а ведь то, как эти студентки добираются до областей, лежащих глубже коры, которая отвечает за когнитивные функции мозга, очень похоже на то, как продвигаюсь в своем историческом исследовании я сам. Они тоже рано или поздно наткнутся на миндалевидное тело — обитель страха, базальное логово самого основного из всех чувств.

«Миндалиной» назвал это образование из-за его продолговатой формы немецкий анатом Карл Фридрих Бурдах (1776–1847), который открыл его в 1819 году¹. В 1930-е годы с помощью экспериментов на животных и наблюдений над пациентами установили, что миндалевидное тело — это та зона мозга, где протекают все нейрональные процессы, которые вызываются источниками угрозы (например, такими, как ядовитая змея), активируют вегетативную нервную систему (повышенный мышечный тонус, ускоренный пульс, короче говоря — все необходимое, чтобы убежать от ядовитой змеи) и которые обычно относят к эмоции под названием «страх» или «тревога». В 1980-е годы это воззрение было подкреплено новыми технологиями визуализации, такими как компьютерная томография. Когда я спросил студентов-медиков, собравшихся под яркой неоновой лампой вокруг анатомического стола, что говорит наука о функции миндалины, они в один голос ответили: «Отрицательные эмоции, особенно страх».

Своей известностью миндалина в большой мере обязана нью-йоркскому нейрофизиологу Джозефу Леду, чья книга «Эмоциональный мозг: таинственные основы эмоциональной жизни» (1996) была переведена на многие языки и стала бестселлером. Леду, который вместе с сотрудниками своей лаборатории играет на электрогитаре музыку в стиле heavy mental (sic!) в группе Amygdaloids, говорит о двух путях к страху: первый, быстрый, путь ведет через миндалину, а второй,

¹ См. Sander D. Amygdala // *Idem, Scherer K. R.* (Ed.) *The Oxford Companion to Emotion and the Affective Sciences*. Oxford, 2009. P. 28.

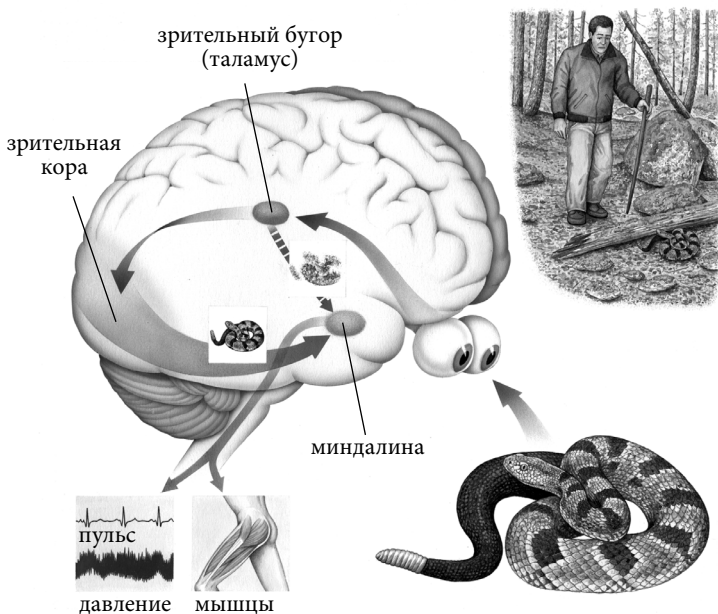
немного медленнее, через кору мозга¹. Когда мы воспринимаем угрожающий стимул (змею), эта информация, как пишет Леду, за 12 миллисекунд передается в миндалину, а та активизирует вегетативную нервную систему для обеспечения реакции типа «борись или беги», сформированную в ходе эволюции живых организмов. Эта быстрая реакция может решить вопрос о жизни и смерти, потому что готовит тело к тому, чтобы убежать от угрозы силой или остаться и сражаться с ней. В два раза дольше, 24 миллисекунды, та же информация идет в кору головного мозга, где она оценивается: змея ли это в самом деле или просто палка, похожая на змею? Если это змея, то мертвая она или живая? Если она живая, то ядовитая это змея или безвредная? Если на самом деле опасности нет, то кора посылает сигнал миндалине, которая успокаивает вегетативную нервную систему². Иллюстрация, приведенная Леду (см. ил. 1), производила настолько убедительное впечатление, что с 1996 года ее воспроизводили в публикациях о страхе, наверное, чаще, чем какую-либо другую³.

С тех пор знание о миндалине стало достоянием широкой общественности, так что почти всякий раз, когда я рассказываю о своих исторических исследованиях, посвященных солдатскому страху, кто-нибудь обязательно меня о ней спросит. Вообще, кроме солдатского страха, мало есть других эмоций, в разговоре о которых с такой безотказностью рефлекса упоминали бы антропологические константы (сегодня — облекая это в нейробиологическую терминологию). Связано это с идеей, что существует некая нейробиологическая материальная основа всего и всякого страха, которая не зависит от времени и культуры, она одна и та же у всех животных — от лабораторных мышей до человека разумного. Тем самым мы обозначили один из полюсов, наблюдаемых во всех исследованиях эмоций с XIX века: это нечто жесткое, неизменное,

¹ См. <http://www.amygdaloids.com> (последнее обращение 04.10.2011).

² См. *LeDoux J. E. The Emotional Brain: The Mysterious Underpinnings of Emotional Life*. N. Y., 1996. Ch. 6, прежде всего p. 163–168.

³ Эта иллюстрация художника Роберта Ости из статьи *LeDoux J. E. Emotion, Memory and the Brain // Scientific American*. 1994. № 270/6. P. 50–56, здесь p. 38, воспроизведена и в *Idem. The Emotional Brain*. P. 166.

Ил. 1. Джозеф Леду и два пути к страху

универсальное, общее для всех видов, вневременное, биологическое, физиологическое, сущностное, базовое, «зашитое в систему». Тем фактом, что миндалина расположена так глубоко в мозгу (в тех недрах, до которых пытались добраться студентки у соседнего стола), как бы все сказано.

Но что на самом деле представляет собой миндалина? Конгломерат нервных клеток, который активируется при некоторых функциях головного мозга, включая эмоции. В этом мнении большинство исследователей пока едино. Но споры начинаются, уже когда встает вопрос о том, какие нервные клетки (нейроны) относятся к миндалине, а какие нет. Дело в том, что в окружающих зонах тоже есть нервные клетки, и некоторые из них тоже считаются релевантными для эмоций¹. Сразу

¹ В одной обзорной статье утверждается: «Миндалевидное тело состоит из ядер, имеющих разные функции (то есть тринадцать основных ядер, каждое из которых имеет подотделы) и обладающих разветвленной сетью внутриядерных и межъядерных связей». *Dalgleish T., Dunn B. D., Mobbs D.*

бросившийся мне в глаза плавный переход между темным пятном на срезе мозга и более светлыми участками вокруг наглядно отражает трудность этого разграничения. Функции миндалины вызывают не меньше споров. Сегодня уже считается устаревшим мнение, что она отвечает только за отрицательные эмоции. Иногда утверждают, что она отвечает за обоняние, за зрительное восприятие, а также за способность джазовых музыкантов отличать импровизацию от заученных композиций¹. К тому же распределение и связи нейронов в миндалевидном теле различаются у грызунов, на которых проводят большинство экспериментов, и у людей, о которых делают выводы на основе этих экспериментов². И наконец, когда мы говорим о миндалине в единственном числе, это, строго говоря, лишь половина истории, потому что миндалевидных тел два — по одному в каждой половине мозга. Как они соединяются между собой, есть ли между ними разделение труда, и если да, то каковы функции каждого из них — все это предмет интенсивных дискуссий в нейробиологии³.

Affective Neuroscience: Past, Present, and Future // *Emotion Review*. 2009. № 1. P. 358. В другой статье вообще говорится, что единой нейрональной структуры под названием миндалина не существует, а говорить можно лишь о «структурно и функционально гетерогенной области полушарий головного мозга»: Swanson L. W., Petrovich G. D. What is the Amygdala? // *Trends in Neurosciences*. 1998. № 21. P. 330. Иные же вообще заявляют, что «миндалевидное тело в широком смысле» включает в себя и нейроны других областей головного мозга, включая *substantia innominata* базального переднего мозга: Aggleton J. P. (Ed.) *The Amygdala: A Functional Analysis*. Oxford, 2000, в том числе P. 8–9; Davis M., Whalen P. J. *The Amygdala: Vigilance and Emotion* // *Molecular Psychiatry*. 2001. № 6. P. 13–34.

¹ О том, что миндалина отвечает за обоняние: Schoenbaum G., Chiba A. A., Gallagher M. Neural Encoding in Orbitofrontal Cortex and Basolateral Amygdala during Olfactory Discrimination Learning // *Journal of Neuroscience*. 1999. № 19. P. 1876–1884; за визуальное восприятие: Adolphs R., Tranel D., Damasio H., Damasio A. R. Fear and the Human Amygdala // *Journal of Neuroscience*. 1995. № 15. P. 5879–5891; за различение импровизированной и заученной музыки у джазовых музыкантов: Engel A., Keller P. E. The Perception of Musical Spontaneity in Improvised and Imitated Jazz Performances // *Frontiers in Auditory Cognitive Neuroscience*. 2011. № 2. P. 1–13.

² См. Davidson R. J. Seven Sins in the Study of Emotion: Correctives from Affective Neuroscience // *Brain and Cognition*. 2003. № 52. P. 130.

³ См. Baas D., Aleman A., Kahn R. S. Lateralization of Amygdala Activation: A Systematic Review of Functional Neuroimaging Studies // *Brain Research Reviews*. 2004. № 45. P. 96–103.

Вот что вертелось у меня голове, когда я вышел из анатомички под блеклое зимнее солнце Берлина.

Совершенно другие вещи узнал я, когда читал этнологические исследования о страхе. Этнологи не искали какого-то одного механизма функционирования страха, общего для всех и имеющего нейроанатомическую привязку: они обнаружили в различных культурах и эпохах разные способы обращения со страхом. Это касалось даже солдатского страха. Вот один пример: племена маори — коренных жителей нынешней Новой Зеландии — до их покорения британцами в середине XIX века часто воевали друг с другом. Если воин маори перед боем обнаруживал телесные проявления боязни, такие как дрожь, то считалось, что он одержим *атуа* — особым духом, который был разозлен нарушением *тапу*¹ — канона социальных норм. Для освобождения от *атуа* применялся ритуал: воин должен был проползти между раздвинутыми ногами женщины, которая имела более высокий социальный статус, чем он. Половые органы женщины, особенно влагалище, обладали, как считали маори, способностью освобождать от *атуа*. Если воин, проползший между ног женщины, переставал дрожать, то он отправлялся в бой свободным от *атуа*, то есть без страха. Если же его все еще трясло, то считалось, что ритуальное очищение не удалось, и этот воин мог безнаказанно остаться дома. По всей видимости, возможность того, что *атуа* нападет на человека во время битвы, не предусматривалась; следовательно, мы можем полагать, что маори не чувствовали страха в бою. Таким образом, согласно существовавшей у этого народа модели солдатского страха боязнь локализуется вне тела воина. Зарождается страх не в его «душе» или «психике», и не в его «мозге», а в некоей трансцендентной сфере норм *тапу* и надмирных сил².

¹ Маорийское слово *тапу* приведено Я. Плампером, как и автором той статьи, на которую он ссылается, в оригинальной орфографии маорийского языка, в котором нет звука [b]. Это слово не только иначе произносится, но и имеет более широкий круг значений, чем русское «табу», заимствованное через посредство английского из другого полинезийского языка. — *Примеч. пер.*

² См. *Smith J. Self and Experience in Maori Culture // Heelas P., Lock A. (Ed.) Indigenous Psychologies: The Anthropology of the Self. L., 1981. P. 149.*

Этот пример подрывает нашу концепцию универсализма солдатского страха. Тем самым затронут второй полюс всех исследований чувств: мягкий, антиэссенциалистский, антидетерминистский, социально-конструктивистский, культурно-релятивистский, ориентированный на культурную специфичность и культурную контингентность. Между этими двумя полюсами и бытует научный дискурс об эмоциях с середины XIX века, если не раньше. Понятия, которые сгруппированы вокруг этих полюсов, не совпадают. Пока неясно, как они соотносятся друг с другом, как, когда и почему возникли и чем друг от друга отличаются, то есть как их можно картировать. Исследования здесь только начинаются. Но всякий, кто в первой декаде третьего тысячелетия принимал участие в мультидисциплинарных (о междисциплинарности тут не может быть и речи) конференциях с участием неврологов и гуманитариев, знает, как вирулентны эти полюса и как быстро вокруг них могут формироваться ожесточенно враждующие друг с другом лагеря. Деление на универсалистов и социальных конструктивистов уже отмечалось многократно: Барбара Розенвайн пишет, что «некоторые ученые считают эмоции врожденными, другие же рассматривают их как „социальные конструкты“»¹. Ингрид Кастен задается вопросом, «где и как провести границы между универсалиями и переменными»². Питер и Кэрол Стернсы говорят о необходимости и трудности «отделять постоянное (животное) от изменчивого (культурно обусловленного)»³. Рюдигер Шнелль отмечает, что «мы сегодня в историческом изучении эмоций наблюдаем две противоположные базовые позиции: приверженцы одной считают, что чувства людей на протяжении тысячелетий остались теми же (изменились только способы выражения); приверженцы другой считают, что у каждой эмоции есть своя история,

¹ Rosenwein B. H. Introduction // *Eadem* (Ed.) Anger's Past: The Social Uses of an Emotion in the Middle Ages. Ithaca, 1998. P. 2.

² Kasten I. Einleitung // Jaeger C. S., Kasten I. (Hg.) Codierungen von Emotionen im Mittelalter: Emotions and Sensibilities in the Middle Ages. Berlin, 2003. S. xiv.

³ Stearns P. N., Stearns C. Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // *American Historical Review*. 1985. № 90. P. 824.

обусловленная общеисторическими изменениями». Шнелль также считает, что «универсалисты и эволюционисты противостоят [...] конструктивистам»¹. Армин Гюнтер задается вопросом: «Есть ли вообще у эмоций история или они суть антропологическая константа?»² И наконец, Кэтрин Латц и Джеффри Уайт констатируют, что «литература об эмоциях характеризуется несколькими классическими эпистемологическими антагонизмами. В их числе — различие между [...] универсализмом и релятивизмом»³. Даже там, где бинарная оппозиция «социальный конструктивизм vs. универсализм» не фигурирует, обычно считают необходимым специально упомянуть, что авторы не вписывают себя в нее, — например, в специальном выпуске одного журнала, посвященном эмоциям с точки зрения медицинской антропологии, подчеркнуто, что «статьи не сосредотачиваются на дебатах об универсальности или культурной специфичности тех или иных эмоций»⁴.

О том, что деление на универсалистский и социально-конструктивистский лагерь не очень-то способствует прогрессу познания, тоже уже много раз говорили⁵, и даже при беглом взгляде на историю XIX–XX веков ясно, что это разделение не есть нечто Богом данное, оно рукотворное. Возникло оно из другой дихотомической фигуры мысли: «природа vs. культура». На протяжении значительной части XVII века в истории европейской мысли «природа» еще представляла

¹ Schnell R. Historische Emotionsforschung: Eine mediävistische Standortbestimmung // Frühmittelalterliche Studien. 2004. № 38. S. 180, 213.

² Günther A. Überlegungen zur Gegenstandsangemessenheit einer historischen Psychologie // Sonntag M., Juttemann G. (Hg.) Individuum und Geschichte. Beiträge zur Diskussion um eine Historische Psychologie. Heidelberg, 1993. S. 35.

³ Lutz C., White G. M. The Anthropology of Emotions // Annual Review of Anthropology. 1986. № 15. P. 406. Хелена Флам различает «конструктивистский и позитивистский подходы»: Flam H. Soziologie der Emotionen: Eine Einführung. Konstanz, 2002. S. 118. Оуэн Линч считает, что в самой концепции эмоции уже заложено иерархическое превосходство человека над животным, а культуры — над природой: Lynch O. M. The Social Construction of Emotion in India // Idem (Ed.) Divine Passions. The Social Construction of Emotion in India. Berkeley; Los Angeles, 1990. P. 10.

⁴ DelVecchio Good M.-J., Good B. J., Fischer M. M. J. Introduction: Discourse and the Study of Emotion, Illness and Healing // Culture, Medicine and Psychiatry. 1988. № 12. P. 2. Выделено в оригинале.

⁵ См. Lutz C., White G. M. The Anthropology of Emotions. P. 406, 429–430.

собой более открытую категорию: ее часто представляли аллегорически (в виде богини Дианы), ей часто поклонялись (возводя храмы природы), она была переменчива и легкой поступью двигалась в направлении некой цели, а не просто существовала, неизменная и твердая как скала. «Природа» означало «интенцию, никогда не претворенную полностью в реальность». Ее «всё еще рассматривали как массу поддающихся трансформации возможностей, а не как неумолимую, непоколебимую, жесткую реальность»¹. Природа была чем-то пластичным.

Ситуация изменилась в эпоху Просвещения. В начале XVIII века выкристаллизовывается оппозиция «природа vs. культура». Природа перестала быть изменчивой и приобрела новые свойства. Во-первых, теоретики государства определили ее как то, что предшествовало государству («естественное состояние» у Томаса Гоббса), а потом как то, что предшествовало обществу («естественное состояние» у Джона Локка и Жан-Жака Руссо). Во-вторых, природа была определена как «первобытность» — это обозначало стадию развития чужих, неевропейских народов. В-третьих, философы Просвещения стали отождествлять природу с человеческим телом, особенно с его внутренними, мало изменяющимися аспектами, к которым причисляли (например, Жюльен Офре де Ламетри и другие философы-механицисты) и инстинкты. И наконец, в-четвертых, семантика природы слилась с понятием окружающей среды, так что флора и фауна стали «природой»². Последние два значения — природа как тело и природа как окружающая среда — сначала превратились в легитимационную инстанцию, предшествующую религиозной, а потом, в ходе процесса, который здесь ради краткости обозначим понятием «секуляризация» (которое само отнюдь не беспроблемно), стала и вообще единственной, абсолютной легитимационной инстанцией. Природа была превращена

¹ *Daston L., Pomata G. The Faces of Nature: Visibility and Authority // Idem. (Ed.) The Faces of Nature in Enlightenment Europe. Berlin, 2003. P. 14.*

² *См. Bloch M., Bloch J. H. Women and the Dialectics of Nature in Eighteenth-Century French Thought // MacCormack C. P., Strathern M. (Ed.) Nature, Culture and Gender. Cambridge, 1980. P. 27.*

в твердокаменный *fundamentum absolutum*, стала новой ко-
нечной определенностью.

Этот процесс в XIX веке шел рука об руку с распространением идей Фрэнсиса Гальтона и их вульгаризацией в форме евгеники, а также с профессионализацией и институционализацией современного естествознания¹. В дискуссии о методах наук оппозиция «природа vs. культура» тоже фигурировала. Так, философ-неокантианец Вильгельм Виндельбанд в 1894 году, вступая в должность ректора Страсбургского университета, в своей инаугурационной речи указал на различие между номотетическими и идиографическими науками. Об этом противопоставлении любят говорить и сегодня: номотетические естественные науки, по словам Виндельбанда, нацелены на выведение универсальных законов и предпочитают метод редукционистского эксперимента. Идиографические же гуманитарные науки нацелены не на универсальное, а на специфику и уникальность предмета исследования².

Антитезы «природа vs. культура» и «универсализм vs. социальный конструктивизм» настолько сильны, что для того, чтобы их преодолеть, представителям целых научных дисциплин в полном составе понадобилось бы пройти через групповую психотерапию, считает историк науки Лоррен Дастон. Только на пресловутой кушетке психотерапевта можно было бы «проработать» идейное наследие XIX века и как-то с ним справиться³. В этой книге я неоднократно предпринимал попытки как бы встать с кушетки, отворить окно и открыть вид на то, как будет выглядеть исследование эмоций после терапии,

¹ О вкладе Гальтона в разработку диалектики «природа — культура» см. MacKenzie D.A. *Statistics in Britain, 1865–1930: The Social Construction of Scientific Knowledge*. Edinburgh, 1981.

² См. Windelband W. *Geschichte und Naturwissenschaft: Rede zum Antritt des Rectorats der Kaiser-Wilhelm-Universität Strassburg*, geh. am 1. Mai 1894. Strassburg, 1894. Этнолог Джон Ливитт считает, что в изучении эмоций имеет место непродуктивное разделение на природу, изучаемую номотетическими науками, и культуру, которой занимаются «идеолектические» науки: Leavitt J. *Meaning and Feeling in the Anthropology of Emotions // American Ethnologist*. 1996. № 23. P. 515.

³ Лоррен Дастон в личной беседе с автором 25.06.2009. Ср. также Plamper J., Lazier B. *Introduction: The Phobic Regimes of Modernity // Representations*. 2010. № 110/1. P. 59.

то есть после устранения дихотомии «универсализм vs. социальный конструктивизм».

Моя книга преследует две цели. Прежде всего, это введение в историю эмоций, и в таком качестве она есть синтез имеющихся у нас знаний в данной области. Это не простая задача, потому что история эмоций в наши дни переживает прямотаки взрывообразное развитие. Образно говоря, можно было бы сказать, что эта книга является попыткой фотографировать ракету в фазе ускорения после запуска. На мой взгляд, такая фотофиксация сейчас еще возможна только применительно к истории эмоций, то есть если не брать изучение эмоций в психологии, этнологии и философии; то, что уже опубликовано, еще можно, как кажется, свести воедино, хотя мы, вероятно, уже близки к точке невозврата, после которой знание достигнет таких масштабов, что освоить его уже станет не под силу одному человеку. Чтобы достичь поставленной цели — дать историографический обзор истории эмоций, — я буду резюмировать и классифицировать, развенчивать мифы об этой молодой области исследований, а также часто и много цитировать, дабы читатели, занимающиеся историографией, могли писать собственные работы по истории чувств, базируясь на надежном фундаменте. Как всегда, обзор с высоты птичьего полета есть лишь обзор с высоты птичьего полета, и я всех приглашаю познакомиться с литературой, цитируемой здесь, поближе, чтобы вместо общих планов увидеть нюансы и детали.

И все же эта книга — не только обзор быстро развивающейся области исследований, но и интервенция в нее. Это будет видно во всех главах: я старался быть нейтральным в изложении материала, но вместе с тем сделал собственное мнение как можно более прозрачным. Это относится в особенности к моей критической оценке тех легкомысленных заимствований из нейронауки, которые столь модны ныне в некоторых гуманитарных и социальных дисциплинах, особенно в литературоведении и искусствоведении, а также в политологии. Эти заимствования часто напоминают попойки, за которыми — я убежден — наступит ужасное похмелье. Подчеркну: я говорю о *легкомысленных* заимствованиях, потому что в принципе такие заимствования могут дать важные импульсы. Только

надо сперва достичь определенной степени грамотности в области нейронаук, чтобы, заимствуя, знать, откуда заимствуешь. Такой ликбез в этой книге читатель тоже найдет — в главе III. Разумеется, две вышеназванные цели — обзор и интервенцию — разделить невозможно. Однако соблюсти баланс между непредвзятым описанием научной области во всей ее полноте и решительным вмешательством в эту область можно, — и даже можно сделать это элегантно, что доказали авторы других работ, послужившие мне примером, без которого я никогда не осмелился бы взяться за это исследование¹.

Книга состоит из четырех глав. В главе I прослеживается история изучения чувств в хронологическом порядке, начиная с возникновения истории эмоций в конце XIX века, и ее развитие помещается в контекст социальных и политических событий, а также в контекст развития других научных дисциплин, которые оказывали на нее влияние. Таким образом демонстрируется, что и у истории эмоций есть история. В главе II речь пойдет о социально-конструктивистском полюсе в дискуссии об эмоциях, а также о науке, которая более, чем любая другая, способствовала осознанию того, что в разных культурах о чувствах говорят по-разному: это дисциплина, в одних научных культурах именуемая этнологией, в других — антропологией. В главе III мы направим наш объектив на другой полюс — эссенциалистский — и дадим обзор изучения эмоций в экспериментальной психологии с конца XIX века с особым вниманием к новейшим нейробиологическим исследованиям. Тут надо сделать одно замечание касательно терминологии: в качестве общего термина для психологии, физиологии, медицины, нейронауки и других подобных дисциплин я использую понятие «науки о жизни». Оно восходит к английскому выражению *life sciences*, которое вошло в оборот в 1980–1990-е годы в качестве собирательного термина, объединяющего более узкое понятие «биология» с дисциплинами, которые тем или иным образом занимаются живыми организмами, — например (назову лишь некоторые), с когнитивной

¹ Важнейшим образцом в этом случае послужила работа *Eagleton T. Literary Theory: An Introduction*. Minneapolis, 1983.

психологией, изучением мозга и нейроинформатикой. Понятие «науки о жизни» отражает зыбкость границ между этими дисциплинами. И наконец, в главе IV обрисованы перспективные ареалы исторического изучения эмоций. Посвящая главу II социальному конструктивизму, а главу III — универсализму, я, таким образом, тоже сохраняю в своей книге эту дихотомию. Ее структурирующая роль во всем, что было до сих пор написано, слишком велика, чтобы книга, задуманная хотя бы отчасти как синтез, могла это наследие полностью отбросить. Но если эта книга поможет осознать разделяющий два лагеря ров как проблему и в конце концов навести через него мосты, то это будет большим достижением.

Но прежде всего, во Введении, мы обратимся к тем фундаментальным вопросам, которые вновь и вновь задаются, когда речь заходит об истории эмоций: что такое эмоция? У кого бывают эмоции? Где их место? Есть ли у них история? Если у них есть история, то как ее изучать историкам? Намечая ответы на эти вопросы, я буду рассказывать о поисках, которые велись в нескольких областях знаний, и прежде всего речь пойдет о философии. Во-первых, потому что поиски, которые ведутся философами уже два с половиной тысячелетия, оказали особенно сильное влияние на другие области и, следовательно, образуют необходимый каркас для этой книги; во-вторых, потому что в следующих главах философия отойдет на второй план, уступив место этнологии, антропологии и наукам о жизни; и в-третьих, потому что в философии эти поиски шли зачастую не под знаком дихотомии «универсализм vs. социальный конструктивизм», а под знаком других тем и дихотомий, что позволяет нам увидеть, что этот важнейший для новейших исследований эмоций водораздел на самом деле есть явление очень недавнее — и преодолимое¹.

¹ Самое краткое из всех мыслимых резюме на тему эмоций и мышления сформулировала всего в двух фразах этнолог Кэтрин Латц: «Большие дискуссии по поводу концепции эмоций, которые идут на Западе уже как минимум 2000 лет, как правило, ведутся ради либо философских, религиозных, моральных, либо — в более позднее время — ради научно-психологических целей. Этот дискурс включает в себя интерес Платона к отношению между удовольствием и благом; учение стоиков о том, что страсти по природе своей суть зло; раннехристианские попытки отличать эмоции

Что такое эмоция?

«Что такое эмоция?» — так называлась знаменитая статья американского психолога Уильяма Джеймса (1842–1910), опубликованная в 1884 году¹. Джеймс дал ответ на свой вопрос — мы к нему еще вернемся, — но уже то, что и вопрос, и ответ были предложены именно психологом, говорит о многом. Это подводит нас к первоочередному вопросу: а кто на самом деле определяет, что такое эмоции? Ведь в дискурсе об эмоциях не всегда господствующую роль играли одни и те же дисциплины, они сменяли друг друга, а некоторых — скажем, психологии — в прежние века и вовсе не существовало. Применительно к Западу можно в общих чертах сказать, что с античных времен до 1860-х годов определяющую роль в рефлексии по поводу эмоций играли прежде всего философия и теология, а также риторика, медицина и художественная литература, а после 1860-х годов — экспериментальная психология и, в частности, в последние двадцать лет — экспериментальная психология, особенно ее нейронаучное направление².

человеческой слабости от эмоций Бога; мнение Гоббса, что страсти являются основным источником действия, служа естественной причиной как войны, так и мира; утверждение Руссо, что естественные чувства имеют большую ценность и их не следует смешивать с „искусственными“ или выдуманными чувствами, производимыми цивилизацией; взгляд психологов XIX века, считавших эмоции явлениями психофизиологической природы, а сознание все меньше и меньше рассматривавшими в качестве важного компонента эмоций». *Lutz C. A. Unnatural Emotions: Everyday Sentiments on a Micronesian Atoll and Their Challenge to Western Theory. Chicago, 1988. P. 53.*

¹ *James W. What Is an Emotion? // Mind. 1884. № 9. P. 188–205.* Отсылки к этому заголовку вновь и вновь встречаются в названиях работ — таких, например, как книга психолога Джерома Кагана: *Kagan J. What Is Emotion? History, Measures, and Meanings. New Haven, 2007.*

² Филип Фишер описывает (хотя и без хронологии) те области, в которых шли дискуссии об эмоциях: «То, что мы знаем о страстях, и то, как мы о них думаем, с самого начала было сложным продуктом пересекавшихся, а иногда и взаимно затруднявших друг друга трудов в таких областях, как философия, литература — особенно эпос и трагедия, — медицина, этика, риторика, эстетика, юриспруденция и политическая мысль. В наше время ведутся новые работы в эволюционной биологии, психологии, антропологии, а в последнее время в области нейробиологии мозга, а также в теории игр, в экономике и, прежде всего, в философии, и они продолжают сплетать сложную ткань разделяемых, взаимозависимых, иногда перемешивающихся, даже взаиморазрушающих, а иногда помогающих друг другу идей». *Fisher P. The Vehement Passions. Princeton, 2002. P. 7.*

Однако такая обобщенная формулировка, конечно, требует дифференциации. Во-первых, то, что можно было бы назвать метаисторией эмоций, — кто, когда и насколько авторитетно мог говорить о чувствах и в каких отношениях эти говорящие состояли друг с другом в тот или иной период, — пребывает в зачаточном состоянии и написано только для определенных периодов. Сколько-нибудь надежное знание у нас есть только по Древней Греции, по колониальной Америке XVIII века и по Великобритании XIX века¹. От этой книги тоже не следует ждать «тотальной» историографии метаистории эмоций — такой, которая связала бы существующие несколько островков знания в один архипелаг и заполнила бы океаны между ними; тут могут быть даны только предложения по поводу того, на что следовало бы обратить внимание при написании такой *histoire totale*.

Во-вторых, такая схема — сначала 2500 лет западной философской и богословской мысли, а потом на смену им приходят 150 лет психологических исследований — проблематична, поскольку для многих людей в мире рефлексия незападных культур по поводу чувств имела и имеет не меньшее значение. Более того, процессы трансфера между «западной» рефлексией по поводу эмоций и «незападной» были — до того как психология около 150 лет назад сделалась основным поставщиком понятий, используемых в этой рефлексии, — настолько разнообразными и разнонаправленными, что на самом деле даже невозможно всерьез использовать слова «западный» и «незападный» как аналитические категории².

¹ См., например, о Греции: *Konstan D. The Emotions of the Ancient Greeks: Studies in Aristotle and Classical Literature*. Toronto, 2006; о Северной Америке колониальной эпохи: *Eustace N. Passion is the Gale: Emotion, Power, and the Coming of the American Revolution*. Chapel Hill, 2008. P. 481–486; о Великобритании в XIX веке: *Dixon T. From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category*. Cambridge, 2003.

² Об этих процессах трансфера — на примере эмоционального аспекта истерии в греко-персидско-арабско-индийском треугольнике — см. *Attewell G. Refiguring Unani Tibb: Plural Healing in Late Colonial India*. New Delhi, 2007. P. 225–237; на примере самих эмоций и их локализации в теле в греко-персидско-арабско-индийско-британском четырехугольнике см. *Pernau M. The Indian Body and Unani Medicine: Body History as Entangled History // Michaels A., Wulf C. (Ed.) Images of the Body in India*. New Delhi, 2011. P. 104–106.

Есть еще один первоочередной вопрос, который мы не сможем обойти. Имеем ли мы в виду одно и то же, когда говорим об «эмоции» в нейронауке образца 2001 года, представленной Герхардом Ротом, и об «эмоции» в экспериментальной эволюционной психологии образца 1979 года, представленной Клаусом Шерером? Об «эмоции» в исторической науке образца 2000 года, представленной Уте Фреверт, и об английской *emotion* в нейронауке образца 1998 года, представленной Яком Панксеппом? Когда мы говорим о *Gefühl* у физиолога и психолога Вильгельма Вундта в 1863 году и о *Gemüthsbeugung* в немецкой энциклопедии Брокгауза 1928 года? О французских *les affects* у философов Жюль Делёза и Феликса Гваттари, писавших в 1980 году, об индонезийском *perasaan hati* в середине 1980-х годов, английском *affect* у философа Брайана Массуми, писавшего в 2002 году, и об итальянских *emozioni* у криминолога Чезаре Ломброзо, писавшего в 1876 году?¹ Одним словом: имеется ли достаточное единство значения всех этих слов, которое позволяло бы нам все эти очень разные

¹ См. *Roth G.* Fühlen, Denken, Handeln: Wie das Gehirn unser Verhalten steuert. Frankfurt a. M., 2001; *Scherer K.R.* Entwicklung der Emotionen // *Hetzer H.* (Hg.) *Angewandte Entwicklungspsychologie des Kindes- und Jugendalters.* Heidelberg, 1979. S. 211–253; *Scherer K.R.* Nonlinguistic Vocal Indicators of Emotion and Psychopathology // *Izard C.E.* (Ed.). *Emotions in Personality and Psychopathology.* N. Y., 1979. P. 495–529; *Rosenwein B.H.* Worrying about Emotions in History // *American Historical Review.* 2002. № 107. P. 821–845; *Panksepp J.* *Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions.* N. Y., 1998; *Frevert U.* Angst vor Gefühlen? Die Geschichtsmächtigkeit von Emotionen im 20. Jahrhundert // *Nolte P., Hettling M., Kuhlemann F.-M., Schmuhl H.-W.* (Hg.) *Perspektiven der Gesellschaftsgeschichte.* München, 2000. S. 95–111; *Darwin Ch.* The Expression of the Emotions in Men and Animals. L., 1872; статья *Affection* // *The Encyclopædia Britannica: A Dictionary of Arts, Literature, and General Information.* Vol. A to Androphagi. 11th ed. Cambridge, 1910. P. 299–300, здесь p. 300; *Wundt W.* *Vorlesungen über die Menschen- und Tierseele* (1863) цит. по: *Wassmann C.* *Physiological Optics, Cognition and Emotion: A Novel Look at the Early Work of Wilhelm Wundt* // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences.* 2009. № 64. P. 213–249; о «движении души» (*Gemüthsbeugung*) цит. по: *Frevert U.* *Gefühle definieren: Begriffe und Debatten aus drei Jahrhunderten* // *Frevert U. et al.* *Gefühlswissen: eine lexikalische Spurensuche in der Moderne.* Frankfurt a. M., 2011. S. 11; *Deleuze G./Guattari F.* *Millie Plateaux.* P., 1980. P. 314; *Heider K. G.* *Landscapes of Emotion: Mapping Three Cultures of Emotion in Indonesia.* Cambridge, 1991. P. 41; *Massumi B.* *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation.* Durham NC, 2002; *Lombroso C.* *Uomo delinquente in rapporto all'antropologia, alla giurisprudenza.* Torino, 1876. P. 651.

обозначения, взятые из разных полей, эпох и культур, разбирать как одно понятие «эмоции»?

На первый взгляд это не так. Даже в одной ограниченной области, такой как англоязычная экспериментальная психология, было насчитано 92 различных определения эмоции за период 1872–1980 годов¹. Трудность определения эмоции часто рассматривается в качестве ее основной характеристики: например, один американский кардиолог в 1931 году называет эмоции «чем-то текучим и летучим, что приходит и уходит, словно ветер, неизвестно как»; а полстолетия спустя два психолога констатируют: «Что такое эмоция, знает каждый — пока его не попросят дать определение»².

Тем не менее есть три соображения в пользу того, чтобы все упомянутое рассматривать как одну и ту же «эмоцию». Во-первых, многие понятия этимологически связаны между собой. Если мы проследим происхождение слов *emotion* и *Gemüthsbewegung* (движение души), то придем к латинскому глаголу *movere* (двигать). Проследить и показать все эти этимологические линии во многих языках — задача для крупного проекта по созданию всеобщей истории понятий, описывающих чувства, и осуществить его можно было бы только при участии множества исследователей. Кстати, даже культуры, в которых понятия эмоции нет и в помине, часто заимствуют слово *emotion* — например, тибетская. Приезжающие в Тибет люди так часто спрашивали местных жителей, почему у них нет слова для эмоций, что те создали неологизм — *tshor myong*³.

¹ См. *Kleinginna P.R., Kleinginna A.M.* A categorized list of emotion definitions, with suggestions for a consensual definition // *Motivation and emotion*. 1981. № 5. P. 345–379.

² *Roberts S.R.* Nervous and Mental Influences in Angina Pectoris // *The American Heart Journal*. 1931. № 7. P. 22–23. Цит. по: *Dror O.E.* Modernity and the scientific study of emotions, 1880–1950, PhD. diss. Princeton University, 1998. P. 226; *Fehr B., Russell J.A.* Concept of Emotion Viewed from a Prototype Perspective // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1984. № 113. P. 464.

³ См. *Dreyfus G.* Is Compassion an Emotion? A Cross-Cultural Exploration of Mental Typologies // *Davidson R.J., Harrington A.* (Ed.) *Visions of Compassion: Western Scientists and Tibetan Buddhists Examine Human Nature*. Oxford, 2002. P. 31.